

Сарашима — красивая фамилия. Теперь я тоже Сарашима. Эта фамилия не была дана мне при рождении, но я сама взяла ее, потому что так звали мою маму.

Обычно, когда вы знакомитесь с кем-то, принято рассказывать о себе — кто вы и откуда. Однако мне нет нужды делать это — догадываетесь вы о том или нет, но моя история вам уже известна. Присмотритесь повнимательнее, поройтесь в отдаленных уголках вашей памяти, где хранятся обрывки историй, вычитанных некогда в криминальных новостях и таблоидах, и вы узнаете меня. Я — последняя строка, упоминанием обо мне репортеры заканчивали сообщения.

СОТРУДНИК АГЕНТСТВА ПО РАЗВОДАМ ЗАХОДИТ СЛИШКОМ ДАЛЕКО?¹

Судебный процесс над Каитаро Накамурой, обвиняемым в убийстве Рины Сато, начинается сегодня в окружном суде Токио.

¹ Так называемые агентства по разводам — легально существующий бизнес в современной Японии, специализируется на сборе компрометирующего материала, часто вовлекая одного из супругов в любовную аферу; кроме того, клиент может заказать сбор компромата на кого-либо с целью нанесения оскорбления или разрушения репутации, например в глазах работодателя или делового партнера.

Данное дело привлекает особое внимание в связи с тем, что обвиняемый Накамура, являясь сотрудником так называемого агентства по разводам, признался, что был нанят мужем жертвы, Осами Сато, с целью соблазнения его жены, Рины Сато, чтобы таким образом обеспечить своему клиенту законный повод для развода.

Однако Накамура утверждает, что он и пострадавшая по-настоящему полюбили друг друга и собирались начать совместную жизнь. Если выдвинутые против Накамуры обвинения подтвердятся, ему грозит тюремное заключение сроком до двадцати лет; также нельзя исключить, что обвиняемого могут приговорить к смертной казни.

Отец Рины Сато, Ёситаки Сарашима, заявил репортерам: «Нельзя позволять, чтобы подобные агентства, разрушающие судьбы людей, продолжали свою деятельность. Рина была моим единственным ребенком и главной надеждой нашей семьи. Я никогда не смогу оправиться от этой потери и никогда не смогу простить тех, кто стал причиной ее смерти.

У Рины Сато осталась семилетняя дочь.

Ю Юмада. 16.05.1994

Помните, когда вам впервые попалась на глаза эта заметка? Где вы были в тот момент — дома или в офисе, просматривая свежие новости в газетах? Каким стало выражение вашего лица, когда вы прочитали о том, что случилось в моей семье? Наверное, ваши брови сошлись на переносице, а на лбу залегла глубокая складка. Но, возможно, аромат вашего утреннего кофе был настолько

силен и действовал настолько успокаивающе, что вы в конце концов расслабились и, лишь удрученно качнув головой, перелистнули страницу. В мире каждый день случается масса странных вещей.

Агентства по разводам не были обычным явлением в Японии в те времена, когда Каитаро оказался вовлечен в жизнь моей матери. Сам бизнес родился благодаря спросу на подобного рода услуги. Спросу, который и по сей день существует во всем мире. Оглянитесь вокруг, посмотрите на тех, кого вы любите, и тех, кто любит вас, и на тех, кто хочет иметь то, что имеете вы. Они могут с легкостью войти в вашу жизнь, точно так же, как Каитаро вошел в мою.

Итак, вам уже удалось припомнить, когда вы впервые узнали обо мне и где? На страницах «Телеграф», или «Нью-Йорк таймс», или «Монд», или «Сидней», или, может быть, «Морнинг геральд»? В иностранной прессе моя история не пошла дальше этих изданий. Да и те вскоре переключились на самую индустрию «разрушения браков» и работающих на нее людей. И ни одна из газет не упоминала моего имени. Еще бы, ведь судьба, которую предстоит собирать из осколков, гораздо менее интересна, чем жизнь, рассыпавшаяся на части.

И даже в Японии никому не было до меня дела.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда ты смотришь на мир глазами знания, осознаешь, что вещи неизменны и в то же время постоянно меняются.

Юкио Мисима

СУМИКО

КАК МЫ ЕЕ НАЗОВЕМ?

В семье Сарашима выбор имени новорожденного считается делом особой важности. В моем же случае это означало еще и связь с традицией, которая в дальнейшем будет руководить моей жизнью. Имена моих родственников по материнской линии всегда выбирались в храме Киёдзи в Мэгуро². Крыша храма видна за деревьями парка, расположенного в конце нашей улицы. Зеленая черепица поблескивает на солнце, а красные колонны портика обращены к современным зданиям, окружающим парк.

Когда я подросла, дедушка не раз говорил, что наша семья молилась в этом храме с тех пор, как обосновалась в Токио. Что они оставались в столице даже во время бомбардировок города, а после войны участвовали в восстановлении храма. Для дедушки Киёдзи стал символом возрождения.

Вот почему, как только мама оправилась от родов, все наше семейство вместо того, чтобы собраться возле камидана³ в северном углу гостиной,

² Мэгуро — фешенебельный район Токио.

³ Камидана (*яп.* букв. «полка» или «ниша») — домашний алтарь, где размещены атрибуты синтоистского культа и амулеты.

направилось в Киёдзи. Лежа на руках у мамы, я миновала главные ворота, а затем меня пронесли в самое сердце храмового комплекса.

Когда мы поднимались по каменным ступеням, мама вскинула голову и взглянула на длинную деревянную крышу, на ее плавно изогнутые карнизы, выходящие далеко за пределы самого здания, — карнизы служат защитой от солнца, благодаря такой конструкции внутри образуются участки прохладной тени. Ступив в храм, мы прошли через полосу сладкого кадильного дыма и приблизились к алтарю. Воздух вокруг нас беспрестанно двигался под налетавшими снаружи порывами ветра, а бронзовые колокола начали отзванивать свою песню.

Сама я, конечно, не помню этого путешествия, но без труда могу представить его: вот я, завернутая в бежевое одеяльце, вот мой отец, он сжимает в руке Тару, игрушечного белого тигра — подарок дедушки; а вот и сам дедушка, в сером костюме-тройке он выглядит чрезвычайно серьезным и важным. Близкие столько раз пересказывали эту историю, что она буквально впечаталась мне в память.

Один из монахов — его кожа кажется необычайно бледной на фоне густо-синих монашеских одеяний — с поклоном принимает из рук дедушки мешочек, в котором сложены записки с возможными вариантами имен. Мама подбирала их, сперва посоветовавшись с астрологом, а затем уже сделала окончательный выбор: в приглянувшихся именах она внимательно пересчитала количество иероглифов, так, чтобы в сочетании с фамилией общее число знаков было «счастливым».

Я вижу маму, сидящую в нашем доме за большим обеденным столом в тапках и джинсах, в просторной не по размеру футболке, под которой угадывается округлившийся живот. Жалюзи открыты, солнце длинными косыми лучами падает на мраморный пол, на кухне в пароварке бурлит и пузырится рис, на сушилке сохнет белье. Мама кладет перед собой чистый лист рисовой бумаги и тянется к тушечнице. Вижу, как она обмакивает кисть в тушь — по комнате разливается острый запах земли и сосновой золы, — и как, едва касаясь бумаги кончиком кисти из конского волоса, проводит первую тонкую линию.

Монах снова поклонился, извлек из мешочка записки и разложил их на плоском блюде из тикового дерева, помещенном возле алтаря. Затем взял тонкий деревянный веер и принялся помахивать над блюдом, действуя синхронно с порывами ветра, который свободно гулял по храму, врываясь через открытые ширмы. Сероватый дым от тлеющего в кадилницах лада-на поднимался к потолку, вместе с ним испаривали и улетали прозрачные листочки бумаги с именами, написанными рукой мамы, до тех пор пока на блюде не осталась одна-единственная записка:

寿美子

Дедушка опустил на колени и поднял листок. Его серьезное лицо расплылось в улыбке, когда он прочел значение иероглифов, из которых состоит имя: «Праздник. Красота. Ребенок».

— Сумико, — произнес дедушка вслух. — Су-мико Сарашима.

До сих пор, пока шла церемония, отец не проронил ни слова. За несколько недель до моего рождения в семье обсуждался план предстоящего визита в храм и наречения ребенка. По законам Японии у супругов должна быть одна фамилия, но в определенных обстоятельствах муж вправе взять фамилию жены и таким образом присоединиться к ее семье, чтобы имя ее рода продолжилось. Поскольку мой отец был вторым сыном, его собственные родители, носившие фамилию Сато, не возражали, чтобы их внучка получила фамилию своей матери.

Однако в тот момент, когда монах достал чистый лист бумаги и собрался написать на нем мое полное имя, отец подал голос:

— Сато. Ее зовут Сумико Сато, а не Сарашима.

ЧТО МНЕ ИЗВЕСТНО

1. Меня вырастил дедушка, Ёситаки Сарашима.
2. Я жила с ним в красивом белом доме в Мэгуро, Токио.
3. По вечерам он читал мне.
4. Он рассказывал мне обо всем на свете — массу историй, кроме моей собственной.

Мой дедушка был юристом и умел точно подбирать слова. Даже когда я маленькой девочкой, вскарабкавшись к нему на колени, разглядывала вмятины на подлокотниках его массивного кожаного кресла или, став старше, усаживалась на стул рядом с дедушкой и слушала его рассказы, даже

в такие моменты домашних наших бесед он не позволял себе неточностей в формулировках.

Что касается меня, я и по сей день сохранила веру в четкость мысли и аккуратность слов.

Дедушка читал мне самые разные книги — Сартра, Дюма, Мисима, Толстого, Басё, но одна книга, «Процесс»⁴, стала моей любимой. Роман начинался так: «По-видимому, кто-то оболгал Йозефа К.».

Когда мы впервые прочитали эту строку, дедушка объяснил, что роман переведен на японский с другого языка. Мне тогда было двенадцать лет, и я только-только начинала всматриваться в мир, который лежал за пределами моего собственного. Я потянулась к желтоватой странице и провела кончиками пальцев по иероглифам, которые раскрывали мне нечто совершенно новое. Я прочитала первую строку еще раз, вслух, стараясь представить Йозефа К.: одинокий человек, оболганный людьми.

Став старше, я начала спорить с дедушкой из-за этого романа. Дедушка сказал, что и до меня находилось немало читателей, которые вступали в дискуссии, и эти споры не утихают по сей день — в частности, по поводу одного слова *verleumdet*⁵. В некоторых версиях оно переведено как «оклеветать». Клевета на кого-либо означает выдвижение ложных обвинений, привлечение к суду, обращение к общественному мнению. Здесь нет ничего похожего на детское выражение «нагородить вранья», которое мне слышалось. И все же, когда

⁴ Роман Франца Кафки.

⁵ *Verleumdet* (нем.) — клеветать, злословить, порочить, очернять, оговаривать.

я впервые прочитала историю о Йозефе К., именно слово «оболгать», использованное переводчиком, заставило меня задуматься.

Ложь подобна едва уловимой тени. Она, словно прозрачная паутина, опутывает всю вашу жизнь. Для меня слово «ложь» несет легкий привкус детства — все мое детство было построено на лжи.

В то лето, за год до смерти мамы, мы отправились на море. Когда я мысленно возвращаюсь в те месяцы, меня наполняет ощущение приближающегося финала, и не потому, что это последние каникулы, проведенные вместе с мамой, а потому, что это мои последние настоящие, не отравленные ложью воспоминания.

Каждый год, когда августовская жара обрушилась на Токио, моя семья собиралась, загружала наши необъятные чемоданы в вагон поезда и отправлялась на побережье, в Симоду⁶. Отец оставался работать в городе, а дедушка всегда уезжал вместе с нами. Каждый раз на вокзале он останавливался возле одного и того же киоска и покупал нам замороженные клементины⁷, а мы с мамой потом сидели в душном, пахнущем разогретым металлом купе и с нетерпением дожидались, пока они оттают и сделаются настолько мягкими, чтобы можно было добраться до фруктового льда, лежащего внутри. В конце концов, когда мы расправлялись

⁶ Город расположен на полуострове Идзу, который находится на тихоокеанском побережье острова Хонсю.

⁷ Фрукт, напоминающий мандарин, но более сладкий на вкус.

с лакомством и подбородки у нас оказывались перемазаны сладким соком, мама поворачивалась ко мне и спрашивала, чем мы займемся на море — только вдвоем, я и она.

Наш дом на полуострове был старым, деревянные столбы, на которых крепились ворота, покосились, не выдержав постоянного напора ветра, дувшего со стороны Тихого океана. Мы карабкались к скалистому мысу на вершине холма и, едва завидев эти темные рассохшиеся ворота с побелевшими от налета морской соли прожилками, понимали — до дома рукой подать. *Вашикура* — «Орлиное Гнездо», как назывался наш дом, — выходил окнами на залив, раскинувшийся у подножия горы Фудзи.

Наша страна лежит среди гор, а люди теснятся в бетонных коробках городских кварталов. Иметь свой участок земли — большая редкость, но моя семья владела домом в Симодэ еще до войны, а после войны дедушка боролся за то, чтобы сохранить дом, когда все остальное имущество было потеряно.

Лес поднимается над домом по склону холма. Мне не разрешалось ходить туда одной, и поэтому, когда после вопроса мамы я вскидывала на нее глаза, она точно знала, каков будет мой ответ.

Днем мы с мамой взбирались высоко по лесистому склону, оказываясь гораздо выше нашего «Орлиного Гнезда». Мы смотрели на раскинувшиеся внизу чайные поля, потемневшие с приближением осени. Лежали на каменистой черной земле, вдыхая острый смолистый запах сосен. Иногда до нас доносился клекот морского орла, кружащего в небе над нашими головами.